

Коробенкова, Н. Похоронен в братской могиле [о А. Н. Лизунове] / Н. Коробенкова. – Текст: непосредственный // Бичурский хлебороб. -1998. - 9 мая (№ 34-35). – С. 3.

Похоронен в братской могиле

«Как же так? — потерянно повторяла Полина Ильинична Максимова, держа в руках Республиканскую Книгу Памяти.— Почему здесь другое имя? Моего брата звали Александр Ильич Лизунов. А здесь «Алексей». Все остальное сходится: 1922 года рождения, родился в Ара-Кирети, призван в 1941 году, лейтенант, погиб в бою 24 апреля 1943 года. Похоронен в Орловской области, в с. Городище.

Я бы, может, сомневалась, там ли он похоронен, но ведь я была на его могиле. Па памятнике золотыми буквами начертано его имя. И без ошибки...

Стояла у той ажурной чугунной ограды, у братской могилы № 23, где похоронены 434 солдата, и вся жизнь моя и брата проходила перед глазами. Я моложе его на 5 лет, с 1927 года рождения. Мама, Анастасия Спиридоновна, рано умерла, я ее не помню. Нас было пятеро детей. Старшие жили самостоятельно, а нас с Сашей вырастила сестра Анисья Ильинична. Александр окончил 7 классов в Бичуре, там же работал счетоводом в райфинотделе. Жил у старшего брата, Ивана Ильича. Иван — лейтенант, служил в райвоенкомате, отвечал за работу Осоавиахима. Саша женился, родилась девочка, но умерла. Проводили мы его в армию, приходили письма с фронта, треугольники. А потом принесли казенное письмо в конверте: «Ваш сын погиб»... и место гибели. Шли годы. Забыть брата невозможно.

Своих сыновей я назвала именами братьев: Ивана и Александра.

Помню, в тот год страна отмечала 40 лет Победы. Сижу у радио, слушаю: «Никто не забыт — ничто не забыто». И вдруг меня как током ударило: почему же я не съезжу к брату? Ведь адрес знаю: в похоронке все указано. Всю жизнь наизусть этот адрес помню: «Тульская область (раньше это село относилось к Орловской области), Арсеньевский район, село Городище». Уже на месте узнала, что Городище переименовано в Сретенку. Поехала в Бичуру, в военкомат. Мне говорят: жена и дети могут ехать бесплатно, а сестра за свои деньги. А я уже скопила с пенсии на дорогу. Мне было 60 лет, но а еще работала дворником в детсаду. Ехала — ничего не боялась. Сначала в поезде — из Москвы до Тулы на автобусе. И вот он, райцентр Арсеньево. Встретили меня в военкомате и сельсовете участливо. Только не вовремя я приехала. Была ранняя весна, и как раз случилось большое наводнение: разлилась река и до Сретенки и кладбища не добраться. Подполковник в военкомате удивился:

редко сестра к брату приезжает. Открыл Книгу Памяти и через минуту нашли имя Александра и место захоронения: могила № 23. Посочувствовали: можно бы вызвать вертолет, если бы 3—4 человека было... Я говорю: «Зачем из-за меня? Так дорого. Я приеду на будущий год. Дорогу проторила». «Приезжайте на 9 Мая», — сказал на прощание военком.

Через год 8 мая я была уже в Туле. Город в праздничном убранстве, ветераны все с наградами, духовые оркестры, праздничный народ. Но я спешила к брату. «Вы приехали из Бурятии, такую даль, — встретила меня милая женщина в сельсовете. — Она (председатель сельсовета) и сопровождала меня до Сретенки и братских могил. Это 80 км от райцентра. Вызвали вездеход из воинской части и повезли к мемориалу. Ах, какая была здесь сеча! Тула — южные ворота на Москву. Взяли бы Тулу — что было бы с Москвой? Очевидцы рассказывали: здесь лилась река крови. Немец окопался, а нашим и спрятаться некуда: равнина, как ладонь, ширь, гладь, никакого бугорочка. «Вечером смотришь — ребята молодые, веселые, иной раз и гармошка заиграет, — рассказывали мне, — а наутро — бой и горы трупов».

На этом пятачке у Городища погибли тысячи. Там 23 памятника, 23 братские могилы. Мой брат был пехотинец. У него на могиле памятник солдата в полный рост с поднятым вверх автоматом. Там, где похоронены танкисты — танк Т-34. Потрясающий памятник местным жителям и женщинам: молодая мать с ребенком на руках, а у нее по лицу слезы, слезы... Кладбище ухоженное, красивое. Везде посыпан красный песочек. И летом и осенью цветы. За могилами ухаживают взрослые и дети.

Помянули мы моего брата и всех, кто навсегда остался здесь. И вспомнился мне давний сон (как раз в те дни, когда погиб Александр): будто потеряла я варежки. Ищу, ищу, не могу найти. Рассказала сон одной старушке. Она говорит: «У тебя кто на фронте есть?» — «Брат, отвечаю». — «Доча, наверно, с ним что-то случилось». С тех пор я верю в сны.

...Перелистала я республиканскую Книгу Памяти и не нашла еще одного своего родственника, Веретина Дмитрия Александровича. У него и жили мы с Сашей, две сиротинки, после смерти матери. На могилу брата я увезла горсть нашей земли. Где же могила нашего зятя, Дмитрия Александровича? И почему даже имени его нет в Книге Памяти?»

Н. КОРОБЕНКОВА